

ԼԵՉՎԻ ԵՎ ՄՇԱԿՈՒՅՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆ

РУЗАН ТАТЕВОСЯН

*Заведующая кафедрой зарубежной литературы
Армянского государственного педагогического
университета имени Хачатура Абовяна, доктор
филологических наук, профессор*

ПСИХОЛОГИЯ СОБЫТИЯ

В рассказе Л.Толстого „Ходынка” отражены трагические события, происшедшие в день коронации Николая II. Рассказ был написан за один день, но путь к нему был долгим. Толстой делал записи, читал публикации о Ходынке, слушал рассказы очевидцев. Он подчеркивал, что „психология этого события сложная”, сначала радость, праздничное настроение, а потом – эта трагедия. Идущий на Ходынку Емельян мечтал получить выигрышный билет, деньги. Радость сменяется злобой, а после спасения ребенка, потом и Рины в душе героя поднимается новое чувство, выносящее из повседневности и важное для всей жизни.

В статье рассматриваются художественные особенности рассказа: развитие мотива радости, своеобразие портрета, роль иронии, художественной детали, кинематографическая смена эпизодов. Проводится сопоставление с рассказами В.Краснова и Ф.Сологуба.

Ключевые слова и словосочетания: смена настроения, портрет, мотив радости, дети в толпе, художественная деталь, ирония, кинематографичность, натуралистические подробности, звуковая картина.

Рассказ Л.Толстого „Ходынка” был написан за один день (25 февраля 1910

года), и больше Толстой к нему не возвращался. Но путь к этому одному дню работы был долгим. Сразу после катастрофы на Ходынском поле 18 мая 1896 года, в день коронации Николая II, Толстой записал в Дневнике: „Страшное событие в Москве – погибель 3000. Я как-то не могу как должно отозваться” [4, т. 53, стр. 96].

Толстой читает статьи о Ходынке, слушает рассказы очевидцев. В его рассказе отозвалось немало из слышанного. Например, „прекрасный рассказ Сони о спасении девушки на Ходынке” (1909 г.) [4, т. 57, стр. 171]. Толстой читал рукопись В.Краснова „Ходынка. Рассказ не до смерти растоптанного” [3] и высказал автору ряд замечаний.

По свидетельству В.Булгакова, Толстой говорил о теме Ходынки: „... она мне очень интересна. Психология этого события такая сложная. Обезумевшая толпа, дети, спасающиеся по головам и по плечам; купец Морозов, выкрикивающий, что он заплатит восемнадцать тысяч за его спасение. И почему именно восемнадцать тысяч? А главное, эта смена: сначала у всех веселое, праздничное настроение, а потом – эта трагедия, эти раздавленные тела... Ужасно!” [2, стр. 104].

Смена веселья, праздника трагедией так отразилась в рассказе Краснова. Вначале – „свободное кочевье на неведомой равнине, великий пир мира, единой и родственной человеческой души”, впереди – „полное радостных звуков, яркого пляшущего света костров и причудливых, прыгающих теней, дрожало и пело... Ходынское поле...”. На рассвете наступает „жуткое, тягостное затишье”, потом зарождается „в толпе озлобленное настроение каждого в отдельности и всех вообще”, „дьявольский хоровод со всеми”, „смерть и ад со всех сторон”, „предсмертное равнодушие ко всему окружающему”, „только бы скорее кончилось”, „хрустят кости и ломаются руки”, „хлопают внутренности и кровь”, „чинные и строгие покойники”. В конце рассказа Краснова появляется временная отметка – „Двенадцать часов”. Остановившееся время вновь начинает свой отсчет. И последнее предложение: „На мои жалобы, что вот, мол, меня смяли, а я ничего не получил, татарин пошел и вскоре принес мне узелок гостинцев и кружку из будки”. Так завершается рассказ очевидца, начавшийся с подробного описания поля и построек.

В дневниковой записи от 31 декабря 1900 г. Толстой пишет: „...дети это увеличительные стекла зла. Стоит приложить к детям какое-нибудь злое дело и то, что казалось по отношению взрослых только нехорошим, представляется ужасным по отношению детей: несправедливость сословий, еврейство, разврат, убийство...” [4, т. 54, стр. 79].

В рассказе Краснова появляются дети: „Матери молились, причитали и плакали о детях, пущенных кверху по головам...”; „на будках уже не было испуганных и смятых детей...”.

В рассказе Ф.Сологуба „В толпе” (1907 г.), посвященном событиям Ходын-

ки, главные герои – дети: пятнадцатилетний гимназист Леша и его сестры, восемнадцатилетняя Катя и двадцатилетняя Надя. Произведения Сологуба отличаются мрачным колоритом и заполнены сценами самоубийств, убийств, безумия, болезненных событий. Материалом для рассказа „В толпе” послужили реальные события, мрачные и трагические. И их развитие происходит от веселья к смерти.

Дети собирались идти на праздник, „они были так веселы и так радостно волновались” [1, стр. 596]. Они боялись опоздать и, глядя на прохожих, решают идти не утром, а с вечера. „Такой прекрасный, такой мирный был вечер...” [1, стр. 600]. Идут с соседями, Шуткиными, не идут, а бегут, „подгоняемые лихорадочно-радостным волнением”. Шуткиных даже радует, что будет „давка, беспорядок, смятение, и потом можно будет долго рассказывать любопытные и значительные подробности разных происшествий” [1, стр. 603]. И даже когда старший Шуткин говорит, что „беспреречно кого-нибудь из слабеньких раздавят”, Удоевы не могут поверить в возможность и близость несчастья и смерти. „Это поле, где шумное множество, – и смерть. Не может быть” [1, стр. 603]. Потом дети понимают, что „толпа насквозь была враждебная, чужая... Были видны лица, которые сердито хмурились, глядя на гимназиста и его сестер” [1, стр. 605]. И им непонятно, за что вражда, откуда она выросла. Слышатся циничные шутки. Пьяный мастеровой подходит к Кате, целует в губы. Толпа хохочет, Катя плачет. В темноте творилась ненужная и потому „поганая жизнь”. Еще не долго побыли, и „уже стало противно, тошно, страшно” [1, стр. 606]. „И вот, в этой противной толпе, брошенные в гнусный разгул не в пору разбуженной жизни, шли дети, и терялись в многолюдстве” [1, стр. 607]. Всем

тесно, душно, не могут выбраться. „Несли девочку, и она казалось неживою”. Толпа переговаривается – „и казалось, что эти люди на миг поняли, что не надо им быть здесь и теснить друг друга” [1, стр. 608].

Но вновь тяжело, грубо задвигалась толпа. „Младенца задавили! Косточки хрустят” [1, стр. 609]. Люди смотрят на детей со звериной злобой. Толпа насквозь пронизана злобой и страхом. И задыхающимся детям казалось, что это не люди, а свирепые демоны. „И дьявольский мучительно длился маскарад”.

И вставшее солнце у Сологуба – возбужденный злой Дракон. „По искаженным злобою лицам видно было, что здесь уже не было людей. Дьяволы сорвали свои мгновенные маски и мучительно ликовали” [1, стр. 613]. В рассказе Краснова также отмечен „дьявольский хоровод”. Несколько человек сошли с ума, вырывались предсмертные дикие вопли. Хулиган пырнул ножом блудницу. Бабу свалили, живот ей выдавили. Задавили Надю. Кажино лицо безжизненно поникло.

И в этой толпе, не знающей начала и конца, в застывшем ужасе, кто-то вспоминает о времени: „Шесть часов”.

А на Лешу неподвижно смотрят склоненные лица сестер.

Две бабы сцепились, резались ножами, чтоб проложить дорогу, кощунство, хула, скверная брань.

Кто-то ударил каблуком Лешу в лоб. „Сейчас умру”, – подумал Леша и счастливо засмеялся. По нему бегут люди. Кто-то ступил на затылок. Темнота. Смерть.

Несколько страниц рассказа Толстого „Ходынка” очень емкие. Два начальных эпизода относятся к тому, что было накануне, 17 мая 1896 года. Первый – диалог, происходящий между князем Павлом Голицыным, известным всему высшему

свету под прозвищем „Пижон”, и его дочерью, двадцатитрехлетней Александрой, по прозвищу „Рина”. Отец считает страшным и диким желание дочери „идти в народ” не в полдень с двором, а вместе с народом, с дворником и помощником кучера, которые шли из их дома рано утром.

Одним предложением ярко очерчен и портрет Рины, и ее взгляды: „... красивая, сильная девушка, с характерным голицынским профилем, горбатым носом хищной птицы, уже пережила период увлечений светскими балами и была, или по крайней мере считала себя, передовой женщиной, и была народницей” [4, т. 38, стр. 205]. Отец, зная упрямство дочери, не может ей отказать. И они расходятся. Запечатлен и жест (что очень важно в творчестве Толстого): „Он, по обычаю, перекрестил ее: она поцеловала его большую белую руку” [4, т. 38, стр. 205].

И второй эпизод этого дня происходит в совершенно иной среде, в съемной квартире рабочих папиросной фабрики, также говорящих о предстоящем гулянье. Семеныч Емельян пришивает оторванную пуговицу к летнему пальто. Готовит лучшую одежду, читает молитвы. Мирные эпизоды, занимающие мало места, тем не менее отмечены ровным и медлительным течением и характеризуют не только это время, но то, что бывает обычно, всегда. Так, Емельян читает „отче” и „богородицу”, „значения которых он не понимал да и никогда не интересовался” [4, т. 38, стр. 206]. Далее – его внутренний монолог, мечты, переходящие в сон, в котором он распределяет выигрышный билет в десять тысяч. „Хушь бы пятьсот рублей. То-то бы наделал делов: старикам бы послал, жену бы с места снял. А то какая жизнь врозь. Часы бы настоящие купил. Шубу бы себе и ей сделал” [4, т. 38, стр.

206]. Дальше ему представляется, как он идет по городскому саду, а ставший генералом городской, что забрал его за то, что ругался, смеется и зовет в трактир орган слушать. А орган играет, как часы бьют. И на этом месте именно боем реальных часов прерывается сон¹. И Емельян начинает готовиться – берет в мешочек пирога, два яйца, ветчины, полбутылки водки (подробности мирно-праздничной жизни), и с зарей они с Яшей выходят со двора. Царит атмосфера праздника. Встало солнце. Всем весело. „Играют песни, болтают, шутят, смеются, всему радуются, радости ожидают”. Среди нарядных людей выделяются богачи. „Так заметна была Рина Голицына, когда она радостная, сияющая от мысли, что она добилась своего и с народом, среди народа, празднует восшествие на престол обожаемого народом царя”. И здесь, когда брат Алек на предложение откусать хлеба–соли, „щеголяя знанием народных обычаев”, подсказывает Рине ответ („Кушайте сами”), откликается ирония, проскользнувшая в характеристике Рины („была, или по крайней мере считала себя, передовой женщиной, и была народницей”) [4, т. 38, стр. 205]. В ироническом ключе прочитываются слова о Рине и ее брате, об их „близости” к народу и в то же время „привычке всегда занимать первые места” [4, т. 38, стр. 207].

В первом же эпизоде давки слышен детский голос. („Детский крик слышался с другой стороны”) [4, т. 38, стр. 208]. Емельян, „хорошенько не зная зачем”, рвался вперед. Пальто, к которому он пришивал пуговицу, готовясь к „гулянью”, новое пальто, разорвалось, „в сердце ему вступила злоба” [4, т. 38, стр. 208]. И дальше падают люди в вал и на

них падают другие. „Тут в первый раз на него нашел страх” [4, т. 38, стр. 208]. Он продирается вперед, ступая по людям.

И слышится крик: „Братцы, часы возьмите, золотые! Братцы, выручьте”. Емельян, мечтавший купить настоящие часы, думает – „не до часов теперь”. В душе его было два чувства, и оба мучительные: „одно – страх за себя, за свою жизнь, другое – злоба против всех этих ошалелых людей...” [4, т. 38, стр. 209]. Но несмотря на эти два мучительных чувства, детский крик и плач, раздавшиеся у ног Емельяна, остановили его. Он увидел лежавшего навзничь простоволосого, голосящего мальчика, и „вдруг что–то вступило в сердце” [4, т. 38, стр. 209]. Проходит и страх за себя, и злоба к людям. Емельяну становится жалко мальчика. Он подхватывает его, с трудом удерживая, вскидывает на плечо. И это чувство к ребенку появляется не только у него. Стоявший рядом с ним кучер поднял мальчика выше толпы и пустил его по плечам и головам. Емельяна уже не занимают ни подарки, ни стремление дойти до палаток. Ход мыслей меняется: он думает о мальчике, о Яше и о задавленных людях. И выйдя из давки, он уже не радуется полученным мешочку и стакану (мешочком и стаканом завершился рассказ Краснова). Радость была от того, что можно дышать и двигаться, но она проходит, когда он видит задавленную женщину, выброшенную перед царским павильоном. А когда он снова попадает в еще более худшую давку, где опять слышны стоны, крики женщин, детей, он уже не чувствует ни страха, ни злости, ему бы только „уйти, избавиться, разобратся в том, что поднялось в душе” [4, т. 38, стр. 210].

Рина в оборванном платье лежала навзничь на траве. С нее слетела шляпа, сорвали часы с цепочкой, ей было дурно, она

¹ В Дневнике (17 ноября 1906 г.) Толстой пишет: „длинный сон кончается и сливается с звуком действительным, пробуждающим” [4, т. 55, стр. 273].

отчаялась, упала и ничего не помнила.

Емельян привел ее в чувство, брызгая водой. Когда она была без чувств, народ кидал медные деньги на похороны. Емельян, приглядевшись, понял, что она жива.

Он еще не разобрался в том, что произошло, что поднялось в его душе, но это „поднявшееся” чувство отражено в его поступке, в спасении девушки. Рина зовет его поехать к отцу, чтоб он отблагодарил его. Емельян и имени своего не называет, и от благодарности отказывается. Поднявшееся в его душе что-то „такое сильное” он не променял бы на двухсоттысячный выигрыш. А ведь готовясь и идя к Ходынке, он мечтал об этом, представлял, как деньги изменят его судьбу.

И эпилог небольшого рассказа подтверждает ценность нового чувства, вынесенного из этого страшного события и важного для всей жизни.

Рина улыбку Емельяна „вспоминала как утешение в самые тяжелые минуты своей жизни”.

„И такое же еще большее радостное чувство, выносящее его из этой жизни, испытывал Емельян, когда вспоминал Ходынку и эту барышню и последний разговор с нею” [4, т. 38, стр. 211].

В центр рассказа заложена мысль о душе, о ее взлете, несмотря и вопреки совершающейся вокруг беде. Психология события – вот основное в рассказе Толстого.

В записной книжке Толстой делает набросок плана, в котором, по справедливому замечанию литературоведов, с кинематографической точностью и отчетливостью даны планы, эпизоды, события: „1) Крики. 2) Оборванцы на палатках кричат: не ходите. 3) Поднимают детей по головам. 4) Около вала по обе стороны раздавленные. 5) В Петровском парке палаточники. 6) Народ бежит. 7) Казаки бьют. 8) Артельщица раздавлен-

ная. 9) Полиция тоже. 10) Бросали гостинцы в народ” [4, т. 58, стр. 179].

Рассказ Толстого, однако, не укладывается в этот набросанный план. Замысел значительно изменен. Но и в осуществившемся замысле четко выделены планы и эпизоды.

Накануне события Толстой представляет две сцены, два эпизода в разной социальной среде: в доме „известного всему высшему свету” Павла Голицына и в квартире, сдававшейся известной Марьей Яковлевной рабочим с папиросной фабрики.

Потом широким планом показаны спешащие к Ходынке люди. „И впереди идут идут, и сзади догоняют, и со всех сторон выходят и сходятся и мужчины, и женщины, и дети” [4, т. 38, стр. 206–207], раздувают костры. И всего этого множества выделяется Рина – ее радость.

Общим планом видим давку, и в ней Емельяна. Падают люди, ступают по людям. Далее – эпизод со спасенным мальчиком. И снова давка, выбравшись из которой, Емельян видит раздавленную женщину (крупный план). И после одной еще худшей давки происходит разговор между Риной и спасшим ее Емельяном.

У Сологуба и Краснова много натуралистических сцен и подробностей. У Сологуба – пырнули ножом, живот выдавили, резались, скверно ругались и т.д. У Краснова – толпа „устилала путь трупами”, „хрустят кости и ломаются руки, хлюпают кости”, „трещали кости, скрепели зубы в предсмертном содрогании тел” и т.д.

У Толстого нет крови и хруста костей. Потрясает звуковая картина: „все что-то кричали, кричали, стонали, охали” [4, т. 38, стр. 208], раздается женский голос, детский голос, детский крик и плач. Слышатся обрывки фраз и предложений („Чего лезешь...”, „Ну тебя к матери...”, „Батюшки, задавили...”) [4, т. 38,

стр. 207–208]. Но без скрежета, хруста и содроганий.

Видел Емельян задавленных людей, когда проходил по валу. Но крупным планом показана одна задавленная женщина.

Из множества людей, мелькавших в обратившемся трагедией празднике с разной степенью укрупнения отмечены – Яша (с ним вышел Емельян из дома, потерял из виду и вспомнил после эпизода с мальчиком), знакомый фабричный, женщина в ковровом платке, кучер, взявший у Емельяна мальчика, молодой фабричный, полицейские, городской, одна из женщин. В первом эпизоде рассказа упоминаются, с одной стороны, известные лица высшего света – например, Бер, который обещал провести Рину с тетей Верой к павильону, и дворник, помощник кучера, которые собирались идти из дома Голицыных, с другой.

Толстой, как уже отмечалось, выделил, как главное, смену настроения: веселье, радость, а потом – эта трагедия. Мотив радости стремительно развивается и завершает рассказ.

Вначале все веселые, радостные, шутят, радуются, радости ожидают; т.е. радостны и сейчас, и ждут радости в будущем.

Емельян, радостно идущий в ожидании радости, выигрыша, в давке становится все мрачнее и сердитее. Есть один минутный промельк радости от увиденных палаток, но он исчезает сразу. Все падают, ступают по людям. И услышав, что кто-то золотые часы предлагает, Емельян думает: „не до часов теперь”. Но его еще влечет цель – дойти до палаток.

Потом и этой цели нет. Он думает о мальчике, о Яше, о раздавленных. Добравшись до палаток, он получил мешок и стакан, но это его уже не радовало. Порадовала, и тоже на минуту, возможность дышать и двигаться. Но („тут же,

сейчас”) радость исчезает при виде раздавленной женщины. А в эпилоге появляется радостная улыбка. Но эта радость не от ожидания материальных благ, как вначале.

Исключительно важна в рассказе роль художественной детали. Готовясь к празднику, Емельян шелковыми нитками пришивает пуговицу к летнему пальто. В давке „пальто, его, новое пальто, зацепилось за что-то и разорвалось” [4, т. 38, стр. 208], и в сердце его вступила злоба. Он закрывает этим пальто Рину, без слов, тактично угадав, что ей стыдно за разорванную одежду. И прощаясь с ней, отказавшийся от благодарности Емельян с улыбкой говорит: „Только пальто мою не увези” [4, т. 38, стр. 211].

Проваливаясь в сон, Емельян мечтает о часах. От боя реальных часов, которому вторит орган из сна, он просыпается. Но когда в давке кто-то предлагает золотые часы за спасение, Емельяна это уже не интересует. В давке Рина теряет часы: „Она не могла утверждать, но ей казалось, что с нее сорвали часы с цепочкой” [4, т. 38, стр. 210]. И это тоже уже не важно.

Образ Рины статичен. Ярко очерчен ее выразительный профиль в начале рассказа, зримо представлен ее „растерзанный” вид после давки. И ни одной черты портрета Ягоднова Емельяна Семеныча. Мы его видим в движениях – пришивает пуговицу, чистит сапоги, готовит одежду, читает молитвы, одевается, маслит голову, причесывается, складывает в мешочек снедь, убирает бутылку с вином. Потом в давке напряживает плечи, растопыривает локти.

В сжатом повествовании выписано и прошлое, и настоящее этих героев. В прошлом Рина увлекалась балами, в настоящее время считала себя передовой женщиной и радовалась возможности быть с народом.

В мечтах Емельяна прорисовывается его прошлое, и мы узнаем, что он уехал на заработки от семьи и теперь, надеясь на выигрышный билет, хочет помочь старикам–родителям, соединиться с женой, сделать и ей, и себе шубы, купить настоящие часы.

А вот в будущем у этих героев, ничем не схожих, есть одно общее чувство, важное для обоих и „выносящее из этой жизни”.

В рассказе Сологуба люди исчезают, остаются свирепые демоны. Предсмерт-

ные вопли „потрясают души немногих, еще оставшихся людьми в страшной толпе человекообразных дьяволов” [1, стр. 613]. И это еще подсказывает, что недолго остается и до их преобразования в нелюдей. И труппами, смертью завершает рассказ Сологуб.

В рассказе Толстого его герои не только остаются людьми, но выносят из этого страшного события еще большее чувство любви к людям.

Дата представления статьи: 05.02.14 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека русской классики. Десять веков русской литературы, Т. XLVI, М., „Слово”, 2008.
2. Булгаков В.Ф. Л.Н.Толстой в последний год жизни, М., 1960.
3. Рассказ после переработки был напечатан в журнале „Русское богатство”, 1910, № 8// <http://his.1september.ru/article.php?ID=200102003>
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90–а томах, М., „Художественная литература”, 1928–1958, Т. 38, 1936; Т. 53, 1953; Т. 54, 1935; Т. 55, 1937; Т. 58, 1934.

ԻՐԱԳԱՐՁՈՒԹՅԱՆ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

ԹԱԳԵՎՈՍՅԱՆ ՌՈՒԶԱՆ ՎԱՉԵԻ

Լ. Արուխանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի արարաաշխմանյան գրականության ամբիոնի վարիչ, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր

Լ. Տոլստոյի «Խոդիինկա» պատմվածքում արտացոլվել են Նիկոլայ II–ի թագադրման օրը կատարված ողբերգական իրադարձությունները: Պատմվածքը գրվել է մեկ օրում, բայց նախապատրաստվել է երկար ժամանակ: Տոլստոյը գրառումներ էր անում Օրագրում, կարդում էր հրապարակումներ Խոդիինկայի մասին, լսում ականատեսների պատմությունները: Նա ընդգծում էր, որ «այդ իրադարձության հոգեբանությունը շատ բարդ է». տիրոդ ուրախությունը փոխվում է ողբերգությամբ: Խոդիինկա շտապող հերոսը սկզբում երագում էր միայն շահող տոմսի մասին, հետո նա չարանում է և ձգտում դուրս պրծնել ամբոխից: Բայց երեխայի, իսկ հետո Ռինայի փրկությունը նրա հոգում մի նոր, առօրեականից «բարձրացնող» զգացմունք է առաջացնում:

Հոդվածում ուսումնասիրվում են պատմվածքի գեղարվեստական առանձնահատկությունները. ուրախության մոտիվի զարգացումը, դիմանկարի յուրահատկությունը, հեզնանքի, գեղարվեստական մանրամասների դերը և այլն: Զուգահեռներ են անցկացվում Վ. Կրասնովի և Ֆ. Սոլոգուբի պատմվածքների հետ:

Հոդվածի ներկայացման պարտիզիվը՝ 05.02.14 թ.

PSYCHOLOGY OF THE EVENT

RUZAN TADEVOSYAN

*Head of the Chair of the Foreign Literature, Armenian State Pedagogical University after
KhachaturAbovyan, Doctor of Philology, Professor*

Lev Tolstoy's short story "Khodynka" reflects the tragical events of Nikolay II's coronation. The story was written during a day but it had been prepared for a long time. Tolstoy put down notes in his Diary, read lots of publications about Khodynka, listened to the eyewitnesses. He underlined that "The psychology of this event is very complicated" – the current entertainment changed into tragedy. The protagonist who hurried into Khodynka, at first dreamt only of winning a ticket, afterwards he became embittered and tried to release from the crowd. But the child's rescue and then the one of Rina caused some new feeling in his soul which exalted him from the daily routine.

The article studies the literary peculiarities of the story, the development of the motif of joy, originality of the portrait, the role of the details, of irony, etc. Some parallels are marked between the stories of V.Krasnov and F.Sologub.

Article submission date 05.02.14